

УДК 271.22(479.22)

DOI: 10.28995/2658-4158-2019-3-92-111

Институт оракулов-прорицателей *кадаги* у горцев Восточной Грузии

Любовь Т. Соловьева

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Россия, Москва; lubsolov@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается оригинальная сфера традиционной грузинской религиозной культуры – институт прорицателей *кадаги*. Исследование основано на материалах горных районов Восточной Грузии. Особое развитие этот институт получил в Хевсурети. *Кадаги* (мужчину или женщину) называли того человека, который, согласно народным верованиям, был специально избран божеством из общины для того, чтобы сообщать людям его волю. *Кадаги* информировал людей о причинах недовольства божества и о том, какими пожертвованиями можно смягчить его гнев, *кадаги* предсказывал будущее (болезни, смерти, урожай, погода), восстанавливал забытые религиозные ритуалы, разрешал социально значимые и повседневные проблемы. Известны две формы прорицания – в святилище и в доме. Особый интерес вызывает джварт эна – язык божества. Согласно народным верованиям, это был священный язык божества, посредством которого *кадаги* сообщал людям повеления божества.

Ключевые слова: горцы Грузии, Хевсурети, традиционная религия, святилище, локальное божество, оракул, прорицатель, язык божества

Для цитирования: Соловьева Л.Т. Институт оракулов-прорицателей *кадаги* у горцев Восточной Грузии // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2019. № 3. С. 92–111. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-3-92-111

© Соловьева Л.Т., 2019

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН (Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS)

The institution of the oracles (of the prophets) *kadagi* among the highlanders of Eastern Georgia

Lyubov T. Solovyeva

*Institute of Ethnology and Anthropology, The Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia. lubsolov@gmail.com*

Abstract. The article discusses the original area of Georgian traditional religious culture – the institution of *kadagi* (prophet). The research is based on the materials of the mountainous regions of Eastern Georgia. A special development of the institution of *kadagi* received in Khevsureti. *Kadagi* (male or female) was called a person, who according to the folk religious belief, was specially chosen by a deity from the community in order to inform people of his/her will. *Kadagi* informed people about the reasons of the deity's discontent and about how to mitigate the wrath of the deity, *kadagi* predicted the future (illness, death, harvest, weather), revived the forgotten religious rituals, adjusted social and daily problems. There were observed two forms of prophecy – prophecy at the sanctuary and in the home. Of particular interest is *djvart ena* – the language of deity. According to popular belief it was the sacred language of deities by which *kadagi* told the people the commandments of the deity.

Keywords: the highlanders of Georgia, Khevsureti, traditional religion, sanctuary, the local deity, the Oracle, the prophet, language of the deity

For citation: Solovyeva LT. The institution of the oracles (of the prophets) *kadagi* among the highlanders of Eastern Georgia. *Studia Religiosa Rossica: Russian Journal of Religion*. 2019;3:92-111. DOI: 10.28995/2658-4158-2019-3-92-111

Горные регионы Восточной Грузии (Тушети, Пшави, Хевсурети, Мтиулети, Гудамакари) никогда не утрачивали связей с равнинными районами Грузии, тем не менее в силу определенной территориальной обособленности долгое время сохраняли немало черт древнейших верований и дохристианских представлений. Это обстоятельство стало причиной того, что религиозные верования местного населения отличались значительной синкретичностью, а образы христианских святых – своеобразными чертами.

Институт *кадаги* существовал в горных регионах Восточной Грузии и был связан с бытовавшими здесь народными религиозными верованиями. Особое развитие этот институт получил в Хевсурети. Здесь этим термином обозначали человека, который, согласно народным представлениям, был специфическим образом избран божеством из числа представителей своего *саkho* (так называлось

локальное сообщество, члены которого поклонялись местному святилищу и считались его *кма*¹). Главной обязанностью *кадаги* было осуществление связи, взаимодействия между божеством и его подданными (т. е. *сакмо*) и сообщение людям воли божества. Следует отметить, что в Хевсурети роль *кадаги* среди служителей святилища была довольно значительной, *кадаги* (ими могли быть как мужчина, так и женщина) пользовался большим авторитетом. Именно он (обычно в первый день Нового года) предсказывал события, которые должны были произойти в данном сообществе: болезни, смерти, война с соседями, кровная месть, природные катаклизмы (град, неурожай) и т. д. К пророчествам *кадаги* обращались также, если в общине возникали внутренние противоречия и конфликты.

В статье будут рассматриваться следующие вопросы: 1) способы «выбора», «назначения» *кадаги*; 2) запреты, сопровождавшие жизнь *кадаги*; 3) взаимоотношения *кадаги* и божеств (*гвтишвили*); 4) религиозные и социальные функции *кадаги*; 5) взаимоотношения *кадаги* и других служителей святилища; 6) особый язык *джварт эна* (язык богов), которым пользовался *кадаги*, объявляя волю божества.

Институт прорицателей (*кадагоба*), существовавший в горных районах Восточной Грузии, играл важную роль в религиозной жизни горцев. Он был связан как с религиозными верованиями местного населения, так и с некоторыми сторонами общественной жизни: регулировал религиозные практики, ему принадлежало решающее слово в разрешении различного рода сложных ситуаций.

Термин *кадаги* (вещатель, прорицатель) известен почти во всех регионах Грузии и используется для обозначения тех лиц, которые, по народным представлениям, извещают их о пожеланиях и воле божества, чьими устами оно говорит, которые являются посредниками между народом и божеством. В древнегрузинском языке этот термин имел несколько иное значение.

У грузин Хевсурети наряду с термином «*кадаги*» для обозначения этого лица употреблялись термины «*мкадре*», «*меэне*», «*кан*

¹ Слово *кма* многозначно – «дитя, отрок, молодой человек, витязь, вассал, раб, крепостной» [1 с. 93–94]. По мнению В.В. Бардавелидзе, это «культурно-исторический термин, своим полисемантизмом выражающий характер общественных связей и отношений в разные исторические эпохи», «в период патриархата и в особенности так называемой военной демократии представители мужского населения общины были воинами, вооруженными мужами (в народном понимании *каргкма*), дружинниками или «воинством» племенного вождя и общинных старейшин, номинально же (т. е. в религиозных верованиях) – общинно-племенных божеств *джвари* и *хати*» [2 с. 59].

дара). Слова «*меене*» и «*кандара*» в обычной, обыденной речи не употреблялись, их мог использовать только *кадаги* (когда вещал волю божества) или *хуцеси*-священнослужитель во время молитвы. Указанные термины считались составной частью «*джварт эна*» – «языка богов», святого «языка» божества². «*Мезне*» можно перевести как «говорящий», «возвещающий» (от «эна» – язык). «*Мкадре*», по этнографическим материалам, предстает как самое близкое к божествам-*гвтишвили*³ лицо, непосредственно с ними связанное и сообщающее об их желаниях. Наряду с другими функциями главным для «*мкадре*» было осуществление «*меэноба*», т. е. сообщение воли божества людям. Таким образом, в древности «*мкадре*» был фактически тем же «*кадаги*», т. е. лицом, которого божество «удостаивало» своим посещением, являясь ему в каком-нибудь видоизмененном образе, усаживалось на руку или на плечо, беседовало с ним и затем побуждало объявлять о своих пожеланиях и приказааниях. В «языке джвари» термину *кадаги* соответствует слово «*кандара*». В обыденном языке словом *кандара* называется наклоненное горизонтально дерево, или палка, перекладина, на которую что-то вешают или на которую усаживается домашняя птица (т. е. насест). Явление божества и его «усаживание» на «*меене*» можно сравнить с тем, как домашняя птица усаживается на насест-*кандара*, тем более что божество-*хати* в большинстве случаев являлось простым смертным в образе птицы [3 с. 7].

В Хевсурети «*кадаги*» играл значительную роль в религиозной и общественной сфере наряду с другими служителями святилища. Основной его обязанностью было посредничество между людьми и божествами, предсказание событий, которые должны были произойти в ближайшем будущем (болезни и эпидемии, смерти, войны, погода, урожай и т. д.), избрание служителей святилища, улаживание хозяйственных дел святилища (наследование земельных участков, рост движимого имущества святилища и др.). «*Кадаги*» сообщал *сакмо* – «воинству» святилища, т. е. общинникам, по какой причине обижено на них божество, что оно требует от них и чем можно «смягчить его сердце».

По народным представлениям, человек не мог стать «*кадаги*» по собственному желанию, от него это не зависело: только само бо-

² *Джвари, хати* – многозначный термин в религиозно-мифологической и культурной практике грузин-горцев, он служит для обозначения территориально-общинных божеств и покровителей, святилищ [2 с. 383].

³ *Гвтишвили/гвтишвили* – общее наименование территориально-общинных и фамильных божеств [2 с. 383].

жество имело право выбрать себе оракула. Избрание могло быть связано с какими-то положительными чертами характера человека, которые вызывали симпатию божества. Например, божество выбирало глубоко верующего, богобоязненного человека или же того, чьи предки также выступали в роли «*кадаги*» или *хуцеси* – служителя святилища. Или, по народным представлениям, того, кто по каким-то иным причинам приглянулся божеству.

Факт подобного избрания именовался «*дамизезеба*» (от груз. «мизези» – причина), «*дачера*» (от груз. «держать», «поймать», «схватить»); соответственно, «избранного», «схваченного» именовали «*дамизезебули*», «*дачерили*». Об «избрании» божество извещало человека определенными симптомами, каким-то заболеванием неизвестного происхождения. Обычно это было какое-то психическое или нервное заболевание: у человека менялся характер, начинала болеть голова, его мучали сердечные боли, он без какой-либо видимой причины плакал, время от времени терял сознание. Состояние его здоровья было неустойчивым, он чувствовал себя то лучше, то хуже, и это не могли рационально объяснить. В этом случае все окружающие, *кадаги* и знахарки объясняли, что такое заболевание якобы появилось у человека по «причине святилища/божества». По народным представлениям, подобное заболевание было вызвано не тем, что человек совершил какое-то преступление, но тем, что божество-*хати* «возложило на него руку», желая превратить в «*кадаги*» или «*хуцеси*».

В том случае если общинник-«*кма*» каким-то своим действием или поступком обижал божество, в недостаточном количестве приносил жертвоприношения («*згвен-самсахури*»), осмеливался ходить по запретным местам (пашня святилища, лес святилища и др.), воспользовался чем-то из леса святилища и т. д., божество насылало на него болезнь (что также называлось «*дамизезеба*»). Это проявлялось в кратковременном заболевании (но не психического характера): головная боль, глазные заболевания, боль в боку, легочные заболевания и т. д. Причину таких болезней хевсуры видели в гневе божества и обращались за советом к *кадаги* и гадалкам, которые объявляли, что какое-то божество по такой-то причине гневается. Чтобы умилостивить божество и вернуть здоровье, следовало принести в жертву животное (барана, теленка, быка), пожертвовать святилищу участок земли и т. д. Однако в таком случае болезнь, по народным представлениям, не была знаком того, что божество стремится привлечь человека себе на службу, т. е. «удержать», но указанием на необходимость искупить совершенные прегрешения [3 с. 16–17]. Например, грузинский писатель конца XIX в. Важа

Пшавела в одном своем произведении описывает, как прорицатели объясняли родственникам заболевшего человека причину его недомогания: «недуг вызван иконой»; человек «заснул на пути святого Георгия, и тот наступил на него – отсюда и болезнь»; причина болезни – местная икона Божьей матери: человек «запахал ее землю и отнесся к ней непочтительно, ни пива не сварил для общины, ни жертвенной скотины не зарезал. Вот и разгневалась Божья мать и напустила на твоего мужа беду и хворь», «икону надо умилиловать: заколоть барана, принести ей каду, поставить свечу и всю ночь молить о прощении» [4 с. 288].

Когда понимали, что тот или иной человек «избран» божеством, служители святилища и старики начинали поучать его, чтобы он «соблюдал чистоту» («*цмидоба*»), т. е. чтобы он не ходил по сакрально «нечистым» местам (такowymi считались окрестности «*самрело*» – помещения, где женщины находились в период менструации и после родов, общесельские тропы, пастбища крупного рогатого скота), не разговаривал с женщинами из «*самрело*», не ел запретную пищу (курятина, яйца, свинина, лук, чеснок). Следует отметить, что эти запреты *кадаги* и *хуцеси* должны были соблюдать всю жизнь, а другие служители святилища – только в период своего служения. «Избранник» должен был постоянно приходить «на двор святилища» с разными пожертвованиями, стараться ничем не обидеть божество.

Как правило, божество «намечало» своего будущего оракула еще в детском возрасте, что выражалось в виде различных заболеваний (главным образом нервных). До 15–20 лет проявления признаков этого были довольно слабыми, но с указанного возраста болезнь обострялась. Считалось, что с этого возраста божество начинало «обучать» своего избранника, сообщать о своих пожеланиях и требованиях; божество являлось ему во сне, в виде галлюцинаций, различных видений. Когда претендент на роль *кадаги* становился зрелым умственно и физически, достигал совершеннолетия, когда уже мог прислуживать в святилище, божество постепенно начинало настаивать на том, чтобы тот стал его «*меэне*»/«*кадаги*». Если «избранник» («*дамизезебули*», «*дачерили*») не хотел подчиниться требованию божества, сопротивлялся, просил освободить его от служения, то это шло ему во вред, здоровье его резко ухудшалось: он начинал кричать, плакать, божество могло даже свести его с ума, он мог броситься в реку, попытаться покончить с собой. Божество являлось «избраннику» и во сне, и наяву. В этот период (он назывался «*габушоба*» – «сумасшествие») избранник, как правило, оставался неженатым: считалось, что «божество мешает ему вступить в брак»

[4 с. 20–22]. Согласно преданию, одному *кадаги* божество-*джвари* не позволяло жениться, но тот нарушил этот запрет. Тогда *джвари* сделало так, что он все же не смог «приходить» к жене, и та вернулась в родительский дом [4 с. 59]. Запреты на сексуальную жизнь существовали как для мужчин, так и для женщин.

Когда «избранный» переставал противиться воле божества, соглашаясь служить ему всю свою жизнь как *кадаги*, болезнь начинала ослабевать. После наступления совершеннолетия наступал момент, когда на одном из праздников (обычно на Новый год) претендент на роль *кадаги* впадал в транс и начинал пророчествовать. Бывали определенные условия, при которых и взрослый человек мог претендовать на роль *кадаги*.

Через какое-то время божество могло позволить *кадаги* жениться. Так, в предании о святилище селения Хахабо говорится, что его основатель поселился поблизости от него в «чистом» (*цмида*) жилище, где не появлялись женщины (и сам он не ходил по тропам, где ходили женщины). Он стал «чистым» человеком и начал пророчествовать; через три года божество позволило ему жениться [4 с. 101].

Как правило, первое пророчество, первое достижение состояния транса (это называлось «*гакадагеба*» – «превращение в *кадаги*», «*энас гамотана*» – «отверзать уста», от груз. эна – «язык», гамотана – «выносить») мужчины-«*кадаги*» происходило на дворе святилища во время какого-нибудь большого праздника: Новый год, Амаглеба – Вознесение, Атенгеноба; для женщин-«*кадаги*» время и место этого события не было столь четко определено.

То обстоятельство, что роль «*кадаги*» начинали исполнять только после достижения совершеннолетия, имело свое рациональное объяснение: по мнению народа, святилищу требовался только такой «*кадаги*», который уже имел определенный жизненный опыт и хорошо разбирался в повседневной жизни и в религиозных установлениях. В Хевсурети совершеннолетними становились довольно рано – в 15–16 лет, на этот период приходилось и половое созревание, и неслучайно именно в это время происходила окончательная и решающая «встреча» избранника («*дачерили*») и избравшего его божества. Отмечены также случаи, когда служение начинали в более позднем возрасте, уже после вступления в брак.

Нередко встречалось «наследственное» служение в роли «*кадаги*», когда по отцовской или материнской линии уже были подобные случаи, иногда в нескольких поколениях. Некоторые исследователи отмечали, что в роли «*кадаги*» обычно выступали лица, имевшие «невропатическую конституцию», которые легко впадали в экстаз [5 с. 33].

Взаимоотношения *кадаги* и *гвтишвили*. После того, как «*дачерили*» начинал вещать от имени божества, и впоследствии, в течение всей своей жизни, он считался «*кадаги*» того *джвари* (святилища/божества), которое его «избрало». Избирать «*кадаги*» могло только то святилище, «подданным» (*кма*) которого человек являлся, т. е. родовое или общинное *джвари*. Оракулами-*кадаги* Гуданского *джвари*, например, могли быть представители трех фамилий – Арабули, Гогочури и Чинчараули. От других святилищ Хевсурети отличалось Хахматис *джвари*: только оно имело неограниченные права выбирать женщин-*кадаги* (другие святилища не могли это делать), причем даже тех женщин, которые обитали в разных уголках этого региона. Однако, начав прорицать, женщины-*кадаги* могли посещать и другие святилища. Но мужчины-*кадаги* обязательно должны были принадлежать к общине именно Хахматского святилища.

После того, как *джвари* «приводило» к себе нового прорицателя, между ними устанавливались определенные взаимоотношения; божество начинало «являться» *кадаги*. Случалось, что оно могло явиться *кадаги* совершенно неожиданно, без специального зова. Но и сам *кадаги* тоже мог вызвать божество, или оно являлось ему во сне. В большинстве случаев все же *кадаги* специально призывал к себе божество, искал общения с ним. Лучшим способом этого был его приход в святилище («*джварши дасма*» – букв. «усаживание в *джвари*»); если же к нему в дом приходил односельчанин с просьбой помочь в случае какого-то несчастья, он «усаживался» в доме и там же занимался прорицанием.

Если тот или иной убыток в хозяйстве, урон, болезнь и т. п. были, по народным представлениям, результатом гнева *джвари*, *кадаги* не обращался непосредственно к тому божеству, которое стало причиной несчастья. В этом случае, по народным представлениям, требовался посредник, «посол» (*элчи*), в качестве которого могло выступить другое *джвари* – предпочтительно побратим (*модзме*) первого. Обычно же во всех селениях Хевсурети таким персонажем-посредником считалась Самдзимари, которая могла смягчить сердце любого *гвтишвили*. В Хахматском святилище обычно молились двум *гвтишвили* – Самдзимари и Гиорги (Георгию) Нагвармшвениери. Основным здесь считался Гиорги Нагвармшвениери, а Самдзимари была его названной сестрой (*моде*), причем она была якобы чужестранкой – происходила из народа «каджей». Ее также именовали «Самдзимари-хели келгилиани» («красавица Самдзимари с ожерельем на шее»), «обладающая ожерельем и поясом» («*гил-камарни*»), «с ожерельем на шее» («*кел-гиллиани*»), «каджис кало» (женщина

каджей). Именно к ней предпочитали обращаться прорицатели, поэтому одной из основных ее обязанностей было посредничество между «меэне» и разгневанным божеством, что должно было обеспечить благоденствие людей («*хорциели*» – т. е. «телесных»). Самдзимари все выясняла и через *кадаги* объявляла, по какой причине гневается божество и чем можно его умиловить, какую кровавую жертву или иное пожертвование оно требует, или же какой запрет необходимо соблюдать наказанному «кма».

Прорицатель мог обращаться за посредничеством и к другим *джвари*, но полномочия Самдзимари распространялись повсеместно – она имела право действовать и в Пиракет Хевсурети (по южную сторону Кавказского хребта), и в Пирикит Хевсурети (по северную сторону Кавказского хребта).

По народным представлениям, Самдзимари являлась к прорицателям-*кадаги* не только для посредничества в том или ином деле; она могла принимать образ земной женщины и вступать с ним в сексуальные отношения. В такой ситуации прорицателю не полагалось вступать в брак. При этом Самдзимари одевалась как обычная хевсурка, исполняла все обязанности по дому и т. д. Любопытно, что в преданиях о взаимоотношениях Самдзимари с прорицателями и другими служителями святилищ подчеркивается, что они принимали ее за обычную женщину; когда же в силу случайных причин истина становилась известна, Самдзимари их покидала. Согласно верованиям хевсур, тот, кто сблизился с Самдзимари, становился удачливым, баловнем судьбы (*кисматчан-игблиани*); она могла способствовать изобилию и благоденствию (в том числе рождению детей); хевсурки молились ей в случае уменьшения надоя у коров. Таким образом, Хахматис *джвари* и Самдзимари имеют явные черты божества плодородия [3 с. 44, 48, 49–50].

Религиозные и социальные функции кадаги. Усаживание прорицателя («*кадагис дасма*») происходило в святилище (в случае необходимости решения социально значимых проблем) или в его доме (если проблема была семейного характера).

«Усаживание» прорицателя («*кадагис дасма*») в святилище. Когда приближался религиозный праздник, *кадаги* должен был соблюдать особую чистоту. За несколько дней до этого он прекращал сексуальные отношения с супругой, не мог спать на расстеленной женщиной постели. Нередко даже еду себе *кадаги* готовил отдельно, имел особую посуду для воды. За несколько дней до праздника (в каждом святилище были установлены для этого свои сроки) *кадаги* мылся, менял одежду и переселялся в святилище-*джвари*.

«Усаживание» прорицателей для утверждения служителей святилища *дастури* (эконома святилища) происходило в Хевсурети во всех главных святилищах. Центром выступал Гуданис *джвари*, откуда по всей Хевсурети ожидали вестей. Как известно, в основном это *джвари* принадлежало фамилиям Арабули, Чинчараули и Гогочури; *дастури* также выбирались из их числа. Общинники («*кма*») Гуданис *джвари* для выбора *дастури* своих сельских святилищ производили «усаживание» *кадаги* в этих *джвари*. Иногда назначение *дастури* производилось без участия прорицателей, по определенной очередности. Обычно «усаживание» *кадаги* происходило в дни больших праздников, например, в Гуданис *джвари* – на Новый год. Если *кадаги* был местным, он размещался в одном из помещений святилища (*бегели*), если прорицателя приводили из другого места – то вне святилища.

В некоторых святилищах при участии *кадаги* наряду с *дастури* назначали также *мегандзури* (хранителя имущества – «сокровищницы» святилища), при этом *кадаги* от имени божества объявлял, что он поручает свою сокровищницу и принадлежности для приготовления пива такому-то человеку [З с. 69].

В этот же день *кадаги* своими устами передавал общинникам слова божества относительно того, что ожидало их в наступающем году: каким будет урожай, какой будет погода; ожидаются ли нападение врага и урон жителям, будут ли в селении смерти и болезни, не надо ли изменить порядок проведения праздника, если он был искажен, и т. д. *Кадаги* предвещал о событиях на охоте, о том, кто ушел в Кистети (соседние районы с чеченским и ингушским населением) мстить своим кровникам и т. д. По всей Хевсурети расходились сообщения о том, что возвестил прорицатель в Гуданис *джвари*, поскольку они касались всего региона. Жители самых дальних селений старались узнать: что возвестили в Гуданис *джвари*, что повелело божество, или какой приговор высказал Мориге Гмерти (верховное божество) в адрес их *джвари*⁴.

Примеры подобных пророчеств приводит В.В. Бардавелидзе. Так, на Новый год *меэне* «сажали» в святилище, и он прорицал, т. е. от имени *гвтисшвили* извещал о том, что случилось с последним у врат Гмерти. В соответствии с этим становилось очевидно,

⁴ Мориге Гмерти / Мериге Гмерти – глава пантеона у грузин-горцев. Как отмечала В.В. Бардавелидзе, «по идущим из глубин архаической древности народным верованиям, Гмерти был отцом, а местные божества его детьми *гвтисшвили*, родство же последних между собой обозначалось терминами “сестры-братья” *моде-модзмени* (на языке богов *джварт ена*)» [2 с. 312].

что должны ожидать общинники в течение наступившего года и что предпринять им для предотвращения беды, если она их ожидала. Так, *гвтисшвили* устами своего *меэне* возвещал: «Небесные грады-градины, кошницы со щербом высыпал на меня Гмерти, наслал мор-хворь, поостерегитесь у меня, в страхе я!». Или: «Града страшусь, попытайтесь – не умилостите ли чем Мериге Гмерти! Быть неурожаю ячменя-злата у меня: препроводил меня Мериге кошницами со щербом. – Может и сброшу с себя!». На «языке богов», который отличался образными словами и выражениями, грады-градины и кошницы со щербом означали град. Когда Гмерти (или Мзе-кали) «препровождал» (осыпал) *гвтисшвили* тем или другим, общинники, по народным верованиям, ожидало градобитие.

Кроме града, недорода, болезней из врат Гмерти для людей могли пристекать иные кары и вред. Об этом *гвтисшвили* извещал свою общину-*сакмо* опять-таки устами прорицателя: «Кма, поостерегитесь у меня, недоброе довелось видеть у врат Гмерти, остерегайтесь, кма мои!». Иногда *гвтисшвили* в точности указывал, что именно недоброе грозило его *сакмо*: «Поднялись мы [гвтисшвили] к вратам Мориге Гмерти, разверз он уста златые, послал вослед нам кровавые горшки и рогатые турьи головы для сакмо!». В таких выражениях община-*сакмо* извещалась о решении Мориге Гмерти наказать людей вражеским набегом, кровопролитием и смертью [2 с. 35–36].

Кадаги передавали общинникам также сведения о действиях божества Мзе-кали. По народным представлениям, Мзе-кали (от «мзе» – солнце, «кали» – женщина) – «богиня полей». Мориге Гмерти наградил ее искусством управления облаками и тучами, поэтому от нее зависело произрастание злаков. О функциях Мзе-кали красноречиво говорят тексты вещаний хевсурских прорицателей. На Новый год тот или другой из *гвтисшвил* и устами *меэне* объявлял своему *сакмо*: «Развеела мне Мзе-кали ячмень-золото!». Это означало, что в наступившем году Мзе-кали уничтожит всходы из-за сильных морозов или засухи. «Мзе-кали навеяла грады-градины небесные несметное множество, и я уродил меньше [ячменя-злата]!». «Не уродил я сполна ячменя-злата. Мзе-кали воссела высоко, наслала град небесный, опустошила мои ходабуни, ячмень-злато моих кма!» (ходабуни – обширный пахотный участок святилища, наилучший по качеству) [2 с. 37–38].

Обязанности *кадаги/меэне* мог выполнять и *хуцеси* – главный служитель святилища. Так, в Мотцмаос *джвари* (Мтаварангелозис *джвари*) на второй день Нового года (Кумети) *меэне* выходил к собравшимся у «врат» святилища общинникам и садился на почетное место. Некоторое время все сидели молча и ждали пророчания.

Хуцес-меэне начинал вещать именем Архангела: «Да, воистину я Архангел, властью и могуществом я обладаю! Ни во что не ставят мои кма, дерзнули равняться со мною по силе и уму, валяют меня в грязи [т. е. не содержат его реликвий в чистоте и святости], никто ни во что меня не ставит! Но Архангел я все тот же, все той же властью и могуществом обладаю я! Советую моим кма – да пребывают в разуме, да не отринут меня, ибо заставлю их каяться! Не отступлюсь я от порядка, которым меня благословил Гмерти! Засиделись, осмелели, ни во что меня не ставят служители мои – экономы [дастури] святилища! Провозглашаю я, объявляю устами *меэне* моего: на два года избираю себе на службу двух экономов святилища». Прорицания *меэне* извещали общинников о большой заботе, проявляемой общинными божествами к своим *сакмо*. На Новый год прорицатель из селения Шатили от имени *гвтисивили* оповещал общинников: «Ячмень-злато сполна забрал я у Мориге Гмерти, испросил я у него мировую грамоту на благополучие [в моем сакмо], для пребывания моих кма в мире». Зеистечос *джвари* устами своего *меэне* сообщал своему *сакмо*: «Узрели мы [гвтисшвилни] врата Гмерти, ячмень-злато вынесли [оттуда] без труда, просыпал [его] я на теневое село, потом поровну распределили мы [его] в *сакмо*» [2 с. 46–47].

Общинное божество могло возвестить через своего *кадаги/меэне* о грозящих общине несчастьях: «Разверз мне уста свои Мориге Гмерти и сопровождал меня в три ряда рогатыми турьими головами! Остерегайтесь! Быть может отведу [беду], хаживаю к вратам Гмерти. Питаю надежду, что отведу, клянусь, моей победой и победой Мериге Гмерти. Вознесу [к вратам Гмерти] тельцов – быть может отведу! Привлеку на свою сторону Квирае, подкуплю его вечерней и утренней службами, [дарственной жертвой] згвени и [служебной жертвой] самсахури! Упрошу Георгия [Хахматис джвари] и его нареченных сестер, украшенных ожерельями, – пособите де мне, вы де обладаете красноречием!» [2 с. 51–52].

«Усаживание» прорицателя в *джвари* могло происходить не только на праздник, но и в любой другой день, если возникало неотложное дело, которое необходимо было разрешить (военный поход, религиозный вопрос, управление общиной и т. д.), в отношении которого народ хотел получить совет божества. Так, иногда хотели узнать, как правильно справлять тот или иной праздник в святилище, что делать в той или иной ситуации и т. д. Прорицание *кадаги* могло стать основанием для утверждения нового праздника, создания нового святилища, возведения новой постройки на территории святилища, покупки котлов для пива и т. д. [3 с. 73]. *Кадаги* мог объявить «пашней святилища» тот или иной участок земли, потребовать,

чтобы семья тяжелобольного человека для его излечения пожертвовала в качестве штрафа святилищу землю и т. д.

Кадаги по сути был тем человеком, действия которого способствовали утверждению авторитета святилища, защищали и преумножали его достояние. В.В. Бардавелидзе, исследуя систему управления хевсурской общины, пришла к выводу, что оракул-*меэне* представлял собой «сильное оружие» в противостоянии рядовых общинников и верхушки общины, которую составляли служители святилища, поскольку именно он объявлял, что божество желает получить в качестве жертвований лучшие участки земли и рабочий скот [6 с. 627–628].

Значительную роль оракулы-*кадаги* играли также в организации постоянных военных столкновений хевсур с соседними горскими народами. В случае успешных военных походов хевсуры могли налагать определенную «дань» на побежденные общины, укрепляя таким образом свое имущественное положение. Предлогом для таких военных предприятий обычно были кровная месть или похищение добычи (угон скота и т. д.), но это событие обычно облакалось в определенную религиозную оболочку. По народным представлениям, в военных действиях участвовали и сами божества (*гвтисивили*), помогавшие своей общине (*сакмо*), а в трудных случаях «укрывавшие подолом своей милости». Поэтому хевсуры никогда не отправлялись в поход, не устроив предварительно «усаживание *кадаги*», который сообщал им волю *джвари* относительно того, ждет их победа или поражение. Епископ Антоний сообщал: когда грузины-пшавы собирались в поход против иноверцев-мусульман, они в первую очередь «усаживали *кадаги*» в святилище Лашарис *джвари* и просили на это дозволения у божества. Получив положительный ответ и обещание победы, они обрушивались на врага и громили его [7 с. 20].

Об этом же пишет В.В. Бардавелидзе: «Без оракула не совершалось ни одно военное действие. Прорицатель святилища *меэне*, или *кадаги* от имени божества повелевал горцам выступить в поход против таких-то врагов в такое-то время. И народ беспрекословно выполнял волю своего божества. Бывали случаи, когда воинство, отправившееся в поход в намеченный божеством срок, поворачивало обратно по его же повелению. Через прорицателя *меэне* божество объявляло находившемуся в пути воинству об изменившемся положении, неблагоприятном для ведения войны с противником в намеченный срок и о необходимости отложить поход на другое время. По народным верованиям, эти военные походы совершались не только по велению божества, но и под его предводительством

и при непосредственном его участии в боях. Божество принимало участие в боях и в тех случаях, когда горцы-грузины отбивались от нападавших на них вражеских войск и освобождали от них родную землю» [2 с. 90–91].

Центральным святилищем Хевсурети было Гуданис *джвари*. *Кадаги* прорицал утром Нового года о том, что в каком селении произойдет, в каком селе перессорятся представители разных фамилий. *Кадаги* изрекал повеление Гуданис *джвари*, чтобы судьи и старейшины вызвали спорщиков в святилище и положили конец конфликту с помощью Гуданис *джвари*. Если же спор возникал из-за женщины (между родами, а не между двумя людьми) и два рода начинали истреблять друг друга, то и здесь *джвари* высказывал свое повеление: или приказывал обеим фамилиям прекратить свару, или указывал, какая из фамилий имела права на эту женщину. Если Гуданис *джвари* приказывал отправиться в военный поход, этому следовали беспрекословно. Божество могло высказаться о том, что есть какие-то нарушения в системе управления (*рджули*) и что следует изменить в нормах обычного права. Устами *кадаги* также объявлялось, какое хевсурское святилище что требует. *Кадаги* Гуданского святилища прорицал о предстоящих событиях в масштабах всей Хевсурети. Как только прорицатель завершал свои речи, старейшины собирались и на основании высказанного решали, как надо исправить допущенные нарушения, как вернуться к первоначальным нормам обычного права [3 с. 83].

«*Усажившие кадаги*» в доме. Если к *кадаги* обращались по обычным, повседневному делам, если возникшая проблема касалась какого-то одного человека или одной семьи, то за решением проблемы шли к нему домой. В доме пророчеством занимались в основном женщины-*кадаги*, предсказания которых в основном охватывали более узкий круг повседневных проблем, но в ряде случаев допускалось это и для мужчин-*кадаги*, привилегией которых было право пророчествовать в святилище. Женщины-*кадаги* такого права не имели. Допускалось, если впервые женщина начинала пророчествовать в святилище (это называлось «*кадагад дацема*» – от груз. *кадаги* – оракул, *дацема* – «впасть», «падение», «упасть», т. е. «впасть в пророчество»), но только в той части его территории, куда позволялось заходить женщинам⁵.

«Прорицание» (*кадагоба*) происходило в доме обычно в случае болезни или если был нанесен какой-то урон скоту. В этом случае

⁵ Исследователи считают, что некогда и женщины-*кадаги* имели право пророчествовать в святилищах; еще в 1940-е годы этнографы фиксировали воспоминания об этом и даже о женщинах – служителях святилищ [3 с. 91].

или больного приводили к *кадаги*, или *кадаги* приглашали в дом пострадавшего. В качестве вознаграждения полагалось приносить к *кадаги* свечи (обязательно нечетное число) и серебряные монеты (*тетреули*). Хлеб приносили в том случае, если дело касалось загробной судьбы родственника [3 с. 87]. Так, Важа Пшавела, повествуя о том, как вдова отправилась к гадалке узнать, что требуется ее умершему мужу на том свете, «напекла лепешек и лаваша, налила в маленький бурдучок араки и уложила все в кожаный мешок» [4 с. 296].

В зависимости от причины болезни божество устами *кадаги* объявляло, какие жертвования могут облегчить положение заболевшего. По народным представлениям, все болезни подразделялись на две группы. Если причину болезни не умели выявить, то ее считали результатом воздействия божества. Болезнь, причина которой была очевидна, пытались исцелить с помощью лекарств и не беспокоили высшие силы. Кроме того, душевные болезни объясняли тем, что *джвари* желает сделать заболевшего своим служителем. Такие болезни лечили также особым ритуалом «*дакочва*», который проводили в святилище: считалось, что таким больным овладел черт (*эшкаки*), и изгнать его может только божество. Так, если беспокоили боли в сердце, говорили: «Может, *джвари* хочет привести его в святилище служителем и потому проявляет причину этого и беспокоит его сердце», «Если сердце болит – только *джвари* может помочь» [3 с. 89]. В этом случае человек начинал выполнять обязанности одного из служителей святилища (*хуцеси*, *медрошезнаменосец* и др.). Именно об этих способах исцеления и говорилось в прорицаниях *кадаги*: принесение кровавой жертвы, жертвования (свечи, хлеб), «*дакочва*», выполнение обязанностей служителя святилища и т. д. Непосредственно самим лечением *кадаги* не занималась – они не использовали лекарств, не прибегали к заговорам. Следует отметить, что и лекари нередко именно от божества (*джвари*) во сне узнавали рецепт лекарства от той или иной болезни, что подтверждает связь народной медицины с деятельностью гадалок и *кадаги*.

К *кадаги* обращались в случае болезни скота, уменьшения удоя, если плохо сбивалось масло и т. д., и помощи в этом случае ждали в первую очередь от Самдзимари. Как уже отмечалось, она считалась божеством – посредником между людьми и разгневанным божеством, но в первую очередь ее помощь была особенно действенной, если урон был нанесен женщине или скоту.

Если кто-то собирался начать какое-то дело (строить дом, переселиться в другое место, пойти на охоту) – это тоже было поводом

для обращения к *кадаги*. В этом случае *кадаги* нередко засыпал и во сне узнавал положительный или отрицательный ответ на заданный вопрос. Когда с просьбой шли в дом *кадаги*, то он в качестве пожертвованый принимал свечи и серебряные монеты, тогда как в святилище никакого вознаграждения ему не полагалось.

В равнинных районах Картли, в отличие от Хевсурети, деятельность *кадаги* имела свои особенности. Так, здесь не было специального ритуала «усаживания *кадаги*» в святилище для решения общественных дел. Здесь *кадаги-мона*⁶ приходила «на двор» святилища и начинала пророчествовать и каяться в первую очередь в собственных грехах, а также обличать виновных перед божеством и вещать о том, как следует возместить ущемленные права святилища. То есть они пророчествовали во искупление собственных грехов и для укрепления веры в бога [3 с. 93].

В своеобразных формах проявлялось и начало пророчеств («кадагад дацема»): *кадаги* (*хатис мона*) вдруг становилось плохо, она начинала вскрикивать, рвать на себе волосы и одежду, плакала, падала без чувств. «*Кадагад дацема*» сопровождалось также ритуальным танцем и пением, что, видимо, способствовало достижению экстатического состояния; к тому же в ряде случаев *кадаги* нередко какое-то время голодали, что изнуряло и ослабляло организм. *Кадаги-мона* танцевала до изнеможения, а затем начинала пророчествовать. Такое же поведение могло проявляться и у «*дачерили*» – «пойманных» божеством (от «*дачера*» – держать, ловить) [8 с. 110–120].

В Хевсурети момент экстаза достигался иным способом: *кадаги* садился, начинал зевать, трястись, все сильнее мотать головой и с силой бить руками в грудь, после чего начинал пророчествовать. Р. Эрстов, описывая момент прорицания, отмечает, что поведение служителя святилища мгновенно изменилось, он начал кричать, бить себя камнями в грудь, затем вдруг упал на землю и начал пророчествовать [9 с. 101–102].

Поведение *кадаги* перед тем, как он начинал прорицать, было одинаковым и в святилище, и дома. Он просил у *джвари* благодати, зажигал свечи и ожидал, когда к нему пожалует *гвтисивили*. Пришествие божества заставляло его дрожать, он начинал произносить пророчества и высказывать повеления божества, как это происходило бы и в святилище [3 с. 94].

У Важи Пшавелы есть описание того, как начинал пророчествовать пшавский оракул (*мжитхави*) в святилище. Пока народ

⁶ От груз. мона – рабыня, невольница, хатис мона – «рабыня» данного святилища.

молился, *мкитхави* сидел и бормотал: «Если достоин я [говорить с божеством]». Когда народ завершал молитву, *мкитхави*, немного повременив, начинал потирать руки, потягивался, вращал глазами, начинал трястись всем телом, как будто действительно к нему явилось божество, и начинал громко кричать («Аааи-ао, ааи, телесные!») и перечислять требования к своим «подданным»: надо принести в жертву то или иное животное, прилежно ухаживать за полями и стадами святилища, сварить пиво и наполнить котлы и т. д. [10 с. 131–132].

Тот же автор так описывает «работу» прорицательницы в доме, когда к ней пришли узнать о судьбе души в загробном мире: она «зажгла свечи, долго вздыхала, зевала, щурила глаза, охала, словно роженица, и наконец стала что-то бормотать...», затем объявила, что перед ней явился покойный, «статный мужчина», и начала вещать от имени покойного: «Отдайте неимушим мое платье. Вам грозило еще одно горе, но я умолил создателя: семь дней и ночей, упрашивая его, простоял я на коленях. Поддержали меня крест святого Лашари и архангел. Смилоствовался создатель, отвратил свой гнев. Принесите им в жертву кувшин пива, теленка и поставьте свечи. Не оскрамите меня, да не прослышу я неблагодарным. Еще нужны мне конь и какая-нибудь обувь» [4 с. 296].

Взаимоотношения кадаги и служителей святилища. Функции некоторых служителей святилища были близки или даже аналогичны функциям *кадаги*. По хевсурским преданиям, «*мкадре*» называли человека, которого *джвари* «избрало», «задержало» («дачерили»); божество являлось ему в виде птицы (голубя), креста или огня и с ним разговаривало. В случае приближения божества *мкадре* покрывал руку специальным куском ткани – *самкадрео*, на который *джвари* «изволило садиться», чтобы высказать свои пожелания. Затаивший дыхание *мкадре* отворачивался в сторону, чтобы своим дыханием не осквернить его, внимал ему и затем возвещал народу повеления *джвари* в форме пророчеств. В отличие от обычного *кадаги*, уделом *мкадре* было непосредственное лицезрение *гвтисивили* и почти постоянное его сопровождение [3 с. 98].

В.В. Бардавелидзе, основываясь на материалах, собранных в 1940-е годы, так описывает функции *мкадре*: «каждое божество имело своего жреца, так называемого *мкадре*, который постоянно сопровождал божество во время его странствий. *Мкадре* носил с собой платок *самкадрео*. Время от времени божество общалось со своим жрецом, приняв образ то креста с круглой головкой, то голубя. Завидя приближающийся комок облака, *мкадре* догадывался, что

к нему спускается божество. Он спешно разворачивал *самкадрео* и покрывал им правую руку. Божество, приняв образ птицы или креста с головкой, садилось ему на ладонь поверх *самкадрео* и, повернув головку в сторону, чтобы *мкадре* не дышал на него, начинало вести с ним беседу [2 с. 92].

Судя по полевым материалам 1940-х годов, в народе *мкадре* считались особого рода оракулами наряду с «обычными» *кадаги*. В те годы еще помнили имена людей, которые исполняли роль *мкадре*. Например, Мгела Джабушанури носил *джвари* в облике голубя на руке. В преданиях говорится, что многие святилища были основаны именно благодаря действиям *мкадре*, которым являлись божества и побуждали доставить их в то или иное место. При этом даже зимой божество могло приказать человеку идти босиком, что должно было выражать особое почтение к высшим силам. Соблюдение ритуальной «чистоты» было обязательным: так, один из *мкадре*, сопровождавший божество в Кистети за данью, «пожелал лечь с кистинской женщиной», после чего *джвари* разгневалось и покинуло его. *Мкадре* в большинстве случаев оставались холостыми; если же им в редких случаях «давалось позволение» жениться, то сексуальные отношения с женой были очень жестко ограниченными. Даже опосредованные контакты с женщинами запрещались: *мкадре* не ел испеченный женщиной хлеб и иную пищу; не ходил там, где могли пройти женщины; не пил воду из сосуда, откуда уже пила женщина, сам постирал себе постель и т. д. Одежду (сшитую женщинами) он мог надеть только после того, как ее «освящали» святым миром (*мирони*).

Мкадре сопровождали божества повсюду – в военных набегах, в походах за сбором дани с подвластных общин. Нередко могилы *мкадре* становились «святыми местами» и почитались потомками и односельчанами [3 с. 98–99, 101, 103, 105, 197].

По мнению исследователей, *мкадре*, по народным представлениям равнозначный оракулу-*кадаги*, в старину имел более широкие функции: он выполнял обязанности *хуцеси* (главы священнослужителей), *медроше*-знаменосца и *кадаги* [3 с. 113].

«*Язык богов*» – «*джварт эна*». Интересным аспектом деятельности *кадаги* было использование им во время произнесения пророчеств специальной терминологии, по местному выражению – «языка богов», «языка *джвари*» («*джварт эна*»). По народным представлениям, это был святой (*цминда*) «язык богов», которым пользовались для обозначения того или иного предмета или явления. Некоторые слова этого «языка» встречаются еще в литературе XIX в., например «окрос бурти» («золотой мяч») – юноша, мужчи-

на, «хорциели» – (от груз. хорци – «мясо, плоть») – «телесные», т. е. люди [9 с. 103–104]. В.В. Бардавелидзе первая зафиксировала 12 таких терминов и пришла к выводу, что в текстах пророчеств используется особый «язык» [11 с. 18–21].

Т.А. Очаури в 1940-е годы записала в Хевсурети более 100 слов, относящихся к «*джварт эна*» [3 с. 129–132]. Среди них представлены термины, обозначающие человека, части человеческого организма, родственные отношения, домашних животных (в основном приносимых в жертву) и зверей, служителей святилища, помещения святилищ, их инвентарь и печеные изделия ритуального назначения, напитки, злых духов, ожидавшие человека несчастья и т. д. Следует отметить, что слова «*джварт эна*» использовали в текстах молитвословий и другие служители святилищ, в частности *хуцеси* [12 с. 1–48]. Использование слов «*джварт эна*» подтверждено также в соседнем горном регионе – Пшави. Видимо, одной из причин формирования этого языка было желание подчеркнуть сверхъестественную природу божеств, которые в силу этого должны были изъясняться «особым» языком, отличным от языка простых смертных. Несмотря на то что в «*джварт эна*» встречаются и слова иноязычного происхождения, несомненно его местное происхождение, что также подтверждает давность формирования института «кадагоба» [3 с. 135].

Институт *кадаги* был известен в различных регионах Грузии, в большей или меньшей степени отличаясь определенным своеобразием. В статье рассматривался его вариант, бытовавший в Хевсурети, поскольку именно относительно этого региона сохранились более полные сведения. Бытование подобного института практически во всех районах подтверждает, что он был характерен в целом для традиционных религиозных представлений грузинского народа. Согласно народным верованиям, для поддержания определенного равновесия между миром земным и миром божественным необходим был специальный посредник, отличавшийся особой чистотой и святостью, которого в силу этих его качеств божества допускали к общению с миром небесным, которому они являлись и устами которого возвещали простым смертным свою волю. Институт *кадаги* – часть более широкой проблемы избранничества, которую обычно связывают прежде всего с явлениями шаманизма. Грузинские этнографические материалы подтверждают, что избранничество составляет важную часть традиционных религиозных верований, сформировавшихся в древности, и до настоящего времени, хотя и в сильно модифицированном виде, продолжает сохраняться.

Библиография / References

1. *Бардавелидзе В.В.* (1949) Земельные владения древнегрузинских святилищ // Советская этнография. № 1. С. 92–109 [Land ownership of ancient Georgian sanctuaries]
2. *Бардавелидзе В.В.* (2015) Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. М.: Наука – Восточная литература [The oldest religious beliefs and ritual graphic art of the Georgian tribes].
3. *Очиаури Т.А.* (2010) Кадагоба в Хевсурети. Тбилиси (на груз. яз.) [Kadagoba in Khevsureti].
4. *Важа Пшавела.* (1985) Жизнь пшавы // Важа Пшавела. Избранная проза. Тбилиси: Мерани. С. 287–330 [Pshavy's life].
5. *Худадов Н.А.* (1887). Заметки о Хевсуретии. Тифлис [Notes on Khevsureti].
6. *Бардавелидзе В.В.* (1952) Система управления хевсурской общины // Мамбе [Сообщения АН Груз. ССР] Тбилиси. Т. 13. № 10. С. (на груз. яз.) [Management system of the Khevsuri community].
7. Религиозно-этнографический очерк Пшаво-Тушино-Хевсуретии преосвященного Антония, епископа Горийского. Тифлис, 1914. [Religious and ethnographic essay of Pshavo-Tushino-Khevsuretia of the Most Reverend Anthony, Bishop of Gori].
8. *Бардавелидзе В.В.* (1941) У иорских пшавов // Известия института языка, истории и материальной культуры. Тбилиси. Т. 11. С. 67–182 (на груз. яз.) [At Iori pshavy].
9. *Эристов Р.* (1855) О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. Тифлис. Т. 3 [About Tushino-Pshavo-Khevsursky District].
10. *Важа Пшавела.* (1937) Этнографические статьи. Тбилиси (на груз. яз.) [Ethnographic articles].
11. *Бардавелидзе В.В.* (1932) Опыт социологического изучения хевсурских верований. Тифлис [The experience of the sociological study of Khevsurian beliefs].
12. *Бардавелидзе В.В.* (1938) Духовные тексты горцев Восточной Грузии // Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси. Вып. 1. С. 1–48 (на груз. яз.) [Spiritual Texts of the Highlanders of Eastern Georgia].

Информация об авторе

Любовь Т. Соловьева, кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия; Россия, 119991, Москва, Ленинский пр., 32а; lubsolov@gmail.com

Information about the author

Lyubov Solovyeva, PhD in History, Institute of Ethnology and Anthropology, The Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32 a, Leninskiy av., Moscow, 119991, Russia; lubsolov@gmail.com